

Розділ другий

ФІЛОСОФСЬКА АНТРОПОЛОГІЯ І КУЛЬТУРА

УДК 130.31.М

С.М. Повторева – д-р филос. наук, професор
Національний університет «Львівська політехніка»

МИР ГЕРОЕВ ДОСТОЕВСКОГО В ИНТЕРПРЕТАЦИИ М. БАХТИНА

Автор статьи рассматривает ряд антропологических идей М. Бахтина, сделавших его интерпретацию творчества Ф. Достоевского новаторской. Речь идет о принципах незавершимости, полифонии и диалогизма, открытие которых позволяет глубже понять не только мир героев Достоевского, но экзистенциальные основания и проблематичность бытия человека в современном мире. Показано, что произведения М. Бахтина открыли небывалые горизонты для гуманитарных исследований. В статье демонстрируется, что подходы М. Бахтина к анализу творчества Ф. Достоевского нашли понимание и воплощение в работах славянских философов, а также представителей западной мысли (в особенности в постструктурализме).

Ключевые слова: диалогизм, монологизм, незавершимость, полифония, постструктурализм.

В современном отечественном интеллектуальном дискурсе отмечается возрастание интереса к творчеству М.Бахтина. Свидетельством тому являются работы украинских философов последних лет [11; 12]. Вместе с тем исследование творчества этого, одного из наиболее востребованных в западном интеллектуальном мире славянских мыслителей, в сущности, только начинается в украинской философии. Но *актуальность* исследований бахтинских идей для украинской философии объясняется не столько данным обстоятельством. Дело в том, что, рассматривая художественное творчество выдающихся писателей (Ф.Достоевского, Ф.Рабле, Гете, Н.Гоголя), М.Бахтин решительно отмежевался от методологических принципов доминирующего в западной философии рационализирующего монологизма и создал теоретические основания нового гуманизма, ориентированного на присутствие человека в мире. Он сумел глубоко проникнуть в экзистенциальные глубины человеческого бытия, раскрыть такие противоречия сознания, которые объясняют причины глобальных кризисов, переживаемых ныне человечеством, а также наметил пути их преодоления.

К Достоевскому М.Бахтин обращался в течение всей своей творческой жизни. Интерес этот возник на ранних этапах интеллектуальной деятельности мыслителя. Еще в 1920 г. в сообществе единомышленников города Витебска под названием "Круг", организованном ректором Пролетарского университета, литературоведом Павлом Медведевым, активно обсуждался вопрос о взаимоотношениях автора и его героев. Постоянным участником «Круга» был и М.Бахтин. Начало дискуссии о героях Достоевского в этом сообществе было положено книгой Л.В.Пумпянского «Достоевский и античность», в частности, тезисом о невозможности автора овладеть героем как своим собственным созданием [10]. М.Бахтин развил это положение в своей работе «Автор и герой в эстетической деятельности» и особенно в книге "Проблемы творчества Достоевского", сыгравшей судьбоносную роль в его творчестве и личной судьбе.

В то время, когда он работал над книгой, в декабре 1929 году в Ленинграде его арестовали как члена нелегальной организации правой интеллигенции "Воскресение". Друзья по «Кругу» сочли, что издание книги "Проблемы творчества Достоевского" поможет освободить его из заключения. По их просьбе за М.Бахтина ходатайствовали Максим Горький, Алексей Толстой, А.В.Луначарский. Книга вышла в 1929 году, когда М.Бахтин был под следствием. В результате приговор к 5 годам заключения в Соловецком лагере особого назначения заменили ссылкой в город Кустанай, на поселение. Спустя время, в 60-х годах М.Бахтин назвал книгу несколько иначе, и она сейчас больше известна как «Проблемы поэтики Достоевского». Автор многое изменил в ней. Существенным дополнением к этому труду являются также заметки «К переработке книги о Достоевском» [2], изданные в 1986 году.

В данной книге и в дополнениях к ней он критически осмысливает монолизм европейской культуры, то есть такое теоретическое сознание, в структуру которого человек не может включить самого себя в своей действительности и всю свою историческую жизнь как момент ее. Такой теоретический мир развивается и живет, как если бы человека, личности не было, но парадокс заключается в том, что человек все же есть [7]. Углубившись в мир героев Достоевского, М.Бахтин открывает новое сознание. «Этому сознанию, - считал он, - доступны такие стороны человека, и прежде всего мыслящее человеческое сознание и диалогическая сфера его бытия, которые не поддаются художественному освоению с монологических позиций» [1, с.462]. Героем художественных произведений выдающегося русского писателя, по самооценке самого Достоевского, был человек и изображал он «человека в человеке». М.Бахтин обращает внимание на то, что Достоевский говорит о себе: « Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, т.е. изображаю все глубины души человеческой » [1, с.373]. Смысл реализма Достоевского по Бахтину состоит в том, что эти глубины писатель видит не в себе, а вне себя, в душах других людей, и это не монологический реализм, а особый подход к «человеку в человеке», то есть «реализм в высшем смысле» [1, с.103]. Это и было главным обстоятельством, привлечшим внимание М.Бахтина к исследованию мира героев Достоевского, к проблемам глубинного общения человека с другим человеком, к тому, что мыслитель называл внутренней социальностью.

Рассматривая творчество Ф.Достоевского, М.Бахтин делает три важнейших открытия антропологического характера, носящих формально-содержательный характер. Это *незавершенность* сознания человека, *полифония* как сущностное определение человеческого бытия в мире и *диалогичность* как особая форма взаимодействия между равноправными сознаниями.

Концепция незавершенности состоит в том, что для произведений Достоевского характерна «совершенно новая структура образа человека – полнокровное и полнозначное чужое сознание, не вставленное в *завершающую* оправу действительности, не завершимое ничем (даже смертью)» [2, с.326]. Герои этих произведений – независимые от автора живые существа, и он, находясь с ними на равных правах, не может ни сюжетно, ни идейно представить законченную картину их жизни и сознания. В произведениях Достоевского М.Бахтин открыл личность как другое живое и полнокровное сознание, чужую правду, сопротивляющуюся завершающей ее авторской активности. «Сознание по самой природе своей, - отмечает мыслитель, - не может иметь осознанного же (то есть завершающего сознание) начала и конца... Начало и конец лежат в объективном (и объектном) мире для других, а не для самого сознающего. ... Именно это сознание для себя, не знающее и не имеющее последнего слова, и является предметом изображения в мире Достоевского» [2, с.333].

Впервые, как считает М.Бахтин, принцип незавершенности был введен Достоевским в повести «Бедные люди». Здесь писатель еще несовершенно и неясно попытался показать нечто внутренне незавершенное и не поддающееся завершению в человеке, чего другие русские писатели (Гоголь, иные авторы литературы о бедном маленьком человеке) не могли отразить с помощью присущих им монологических подходов [1, с.98-99]. М.Бахтин сравнивает Достоевского с Прометеем, создавшим независимые от себя живые существа, с которыми он оказывается на равных правах. Автор не может их завершить, потому что они являются личностями, которые живут своей жизнью и над которыми не властно бытие [2, с.327].

В других произведениях эта методологическая установка Достоевского приобрела более осознанную и выразительную форму. В работе «Проблемы поэтики Достоевского» М.Бахтин на многочисленных примерах демонстрирует, как герои Достоевского (Раскольников, Соня, Мышкин, Ставрогин, Иван и Дмитрий Карамазовы и др.) стремятся разбить завершающую, умерщвляющую их оправу чужих слов о них, как порой эта борьба превращается в главный трагический мотив их жизни. Глубокое осознание ими своей незавершенности, как и нерешенности жизненных проблем, реализуется на сложных путях идеологической мысли, преступления, подвига. Это особенно ярко проявляется в поступках Настасьи Филипповны (роман «Идиот»), которыми она иной раз в эпатажной форме старается изменить свой образ, сложившийся в ее окружении.

М.Бахтин сравнивает монологический подход Л.Н.Толстого к своим героям в произведении «Три смерти» с тем, как, гипотетически подобную ситуацию представил бы Ф.Достоевский. В произведениях Достоевского, подчеркивает М.Бахтин, вообще очень мало смертей, потому что смерть является завершающим эпизодом жизни героев, то есть она противоречит концепции незавершенности человеческого бытия, которой придерживался писатель. «Достоевский изобразил бы не смерти своих героев, - считает М.Бахтин, а кризисы и переломы в их жизнях, то есть изобразил бы их жизни на пороге. И герои его остались бы внутренне незавершенными (ведь самосознание не может завершиться и внутри)» [1, с.124-125].

М.Бахтин считал, что Достоевскому удалось преодолеть позицию тождества человека с самим собой, господствующую в литературе и философии. Критерием для писателя был образ человека и его чужой для автора голос. Анализируя сюжеты и жизненные коллизии героев Достоевского, мыслитель убедительно демонстрирует стремление писателя избегать жесткой определенности, законченности образа человека, что выражается в избираемых им литературных формах, жанровой специфике изображения внутреннего мира персонажей. «Сновидения, мечты, безумие, – подчеркивает М.Бахтин, – разрушают этическую и трагическую целостность человека и его судьбы: в нем раскрываются возможности иного человека и иной жизни, он утрачивает свою завершенность и однозначность, он перестает совпадать с самим собой» [1, с.197].

Глубокое проникновение в творческую лабораторию Достоевского позволило М.Бахтину сформулировать свое знаменитое положение: «Нет ничего абсолютно мертвого, у каждого смысла будет свой праздник возрождения» [3, с.392]. Эта фраза является апофеозом бахтинской теории незавершенности человеческого бытия в мире, выражает его оптимизм, христианскую веру в будущее гуманистическое преображение жизни [3, с.392]. Другое важнейшее открытие М.Бахтина, сделанное им в процессе исследования мира героев Достоевского – полифония (полилог по терминологии, распространенной в постструктурализме). Мыслитель считал, что писатель разрушил монологическую художественную плоскость изображения мира, впервые сделал изображение многомерным. Ф.Достоевский признан М.Бахтиным родоначальником полифонического романа. Принцип полифонии органически связан с позицией незавершенности. Самосознание героев Достоевского не может завершиться изнутри, потому их многоголосие продолжается, и даже смерть не в силах остановить его. Писатель изображает своих персонажей не только на пороге важных переломных моментов их жизни, лицом к смерти, но иной раз общающимися и после смерти. Это связано именно с новаторской, присущей Достоевскому полифонической манерой рассказа [1, с.124-125]. Представительница постструктурализма Ю.Кристева, анализируя принцип полифонии в его карнавалльно-мениппейной форме (структуре), помещает Достоевского в когорту выдающихся писателей мирового значения, авторов великих полифонических романов (Рабле, Сервантес, Свифт, Сад, Бальзак, Лотреамон, Джойс, Кафка) рассказа [8, с.445].

В полифоническом романе герои пребывают в постоянном общении, многоголосии. Автор не навязывает им своего диктата, а предоставляет обмениваться точками зрения, прислушивается к ним. «Сознающее и судящее «я» и мир как его объект, даны здесь, – отмечает М.Бахтин, – не в единственном, а во множественном числе... Идеалистическое сознание он оставил не за собою, а за своими героями, и не за одним, а за всеми. Вместо отношения сознающего и судящего «я» к миру в центре его творчества стала проблема взаимоотношений этих сознающих и судящих «я» между собой» [1, с.169]. Таким образом, именно Достоевский, по мнению Бахтина, преодолевает солипсизм предшествующих ему литературно-художественных, философско-идеологических подходов русской литературы, максимально полно раскрывает личностную полицентричность конкретного «бытия-события», формируя в своем полифоническом романе ту драгоценную ситуацию, когда каждый прав на своем месте, но не субъективно, а как ответственная личность [11, с.15].

М.Бахтин отмечает важнейшую идею, пронизывающую все творчество Ф.Достоевского – о несамодостаточности, невозможности существования одного сознания, о том, что осознание человеком самого себя и становление его как личности происходит только как взаимодействие многих равноправных и полноценных сознаний. Преодоление Достоевским монологизма, присущего известным русским писателям (Гоголю, Толстому, Тургеневу и др.), состоит и в том, что у его героев самосознание формируется не изображением многих людей в свете одного (авторского) сознания, а именно многих сознаний [2, с.329]. Причиной потери себя самого Достоевский считает отрыв, замыкание в себя. Он утверждает невозможность и иллюзорность одиночества. Небытие, смерть человека истолковывается Достоевским не как конец его физического существования. М.Бахтин анализирует один из ранних рассказов писателя «Бобок», считает, что здесь в сжатом виде наличествуют все темы, которые автор развернул в последующих своих произведениях. Сюжетом рассказа является беседа покойников. Интерес М.Бахтина к этому обычно мало замечаемому произведению объясняется глубоким убеждением мыслителя, которое он воплотит впоследствии во многих своих работах, – в том, что для сознания человека не существует собственной смерти. Герои мира Достоевского стоят на пороге жизни и смерти, и даже пребывая в могиле, они продолжают общение и противостоят завершению своего бытия. В необычной ситуации, в последние моменты бытия «обнажаются души людей, страшные, как в преисподней, или, наоборот, светлые и чистые» [1, с.251]. Они выступают как голоса в полифоническом звучании. Здесь образно воплощена мистическая идея о том, что «мертвецы – бесплодные зерна, брошенные в землю, но не способные ни умереть (то есть очиститься от себя, подняться над собою), ни возродиться обновленными (то есть принести плод)» [1, с.251].

Розділ другий. Філософська антропологія і культура

Полифонія як принцип взаємозв'язи сознаний героїв Достоєвського розкривається і в тому, як автор істолковуватиме сам процес формування людського самосвідомості. Щоб акцентувати цей аспект художественного творчості письменника, М.Бахтін вводить в свої тексти поняття меж. Значення походять в художественному світі Достоєвського не локалізовані всередині окремих героїв. Не внутрішній їх світ зображається письменником, а те, що відбувається на межі сознаний, на порозі, при зустрічі з іншими. «У людини немає внутрішньої суверенної території. Він весь і завжди на межі, дивлячись всередину себе, він дивиться в очі іншому або очима іншого».

Звернемо увагу, що поняття меж є однією з важливих категорій сучасної західної філософії, в особливості концепції трансгресії постструктуралізму. Трансгресія означає подолання меж, вихід за межі встановлених структур. Категорія „межа” символізує в метафоричному і буквальному значенні те, як влада по-різному вписується в тіло, культуру, історію, простір, землю і душу. Категорія меж безпосередньо торкається питання мови історії, а також слугує прообразом для культурологічних досліджень. Цей принцип тісно пов'язаний з структурним розумінням різниці, бо межі створюються тільки на основі іншості, інакості; і через усвідомлення меж дискурсивних образів відбувається їх подолання. В той же час поняття трансгресії, засноване на категорії відмінності, передбачає не тільки визнання змінності меж, які одночасно і підірвані, і дислокують різні конфігурації культури, влади і знання, але є теоретично-філософським підґрунтям загальної боротьби за покращення становища угнетених шарів суспільства. Це означає, що створені в межах домінування існуючі меж можуть бути піддані сумніву і перетворені через різні форми трансгресії [5, с.81].

Трансгресія Достоєвського в інтерпретації М.Бахтіна складається в тому, що кожне внутрішнє переживання його героїв відбувається на межі. Вони стоять на порозі життя і смерті, лжі і правди, розуму і безум'я. Автору цікаво не те, що відбувається всередині персонажа, а те, що повернуто назовні, до інших сознаний. Сутність буття людини складається в переході меж внутрішнього світу, подоланні закритості в собі, в напруженій зустрічі, в спілкуванні з іншими, в конфлікті, боротьбі, протиставленні і т.д. Буття, по Достоєвському (і Бахтіну) – це спілкування. Історія поліфонічного роману, одним з найбільш великих представників якого є Достоєвський, як вважає, Ю.Кристева, «це історія боротьби проти християнства (проти ідеології, репрезентації), це глибоке прощупування мови (сексу, смерті) і утвердження його амбівалентності, «превратності» [8, с.445]. Вона відзначає суттєву характеристику цього жанру, основну його направленість, на якій всячески настає Бахтін, виявляючи її у Достоєвського, – трагічну смертоносну, цинічну, трансформаційну, революційну [8, с. 445].

Достоєвський, як підкреслює М.Бахтін, часто переживає своїх героїв, але ніколи не заглушає їх голосів, ніколи не закінчує їх звучання виходячи з свого свідомості, своєї позиції. М.Бахтін порівнює таку установку з активністю Бога в стосунках до людини, бо Бог, створив людину, надав їй самому відкритися до кінця, опровергнути себе, осудити. Така активність перемагає опір не мертвого матеріалу, а чужого свідомості, чужої правди [2, с.328].

В творчості Достоєвського М.Бахтін відзначає ще ряд аспектів поліфонії, зокрема, авантюризм як стилеву особливість художественної манери письменника. Достоєвський ставить людину в виняткові положення, розкриваючі і провокуючі його, зводить і зіштовбує його з іншими людьми при незвичайних і несподіваних обставинах, випробовує його і його ідею, тобто «людина в людині». Саме це дозволяє поєднати такі, здавалося б, різноманітні жанри, як ісповідь, життя і др. Сюжет поставлений у Достоєвського на службу ідеї, для нього характерна глибока і гостра проблемність. В поліфонічному використанні і осмисленні цього жанрового поєднання Достоєвським, на думку М.Бахтіна, складається один з суттєвих моментів новаторської манери письменника [1, с.177-178].

Третім відкриттям Ф.Достоєвського, що дозволяє йому проникнути в сокровенні глибини внутрішнього світу людини, є принцип діалогічності (діалогізму). Для Достоєвського, як вважає М.Бахтін, не існує ідей, мислей, положень, які були б нічними. Навіть «істину в собі» письменник представляє в дусі християнської ідеології, як втілену в Христі, тобто як особистість в взаємостосунках з іншими особистостями [1, с.54-55]. «Істина, – підкреслює М.Бахтін, – не народжується і не знаходиться в голові окремої людини, вона народжується між людьми, спільно іщущими істину, в процесі їх діалогічного спілкування» [1, с.185].

Діалогічність Достоєвського в інтерпретації М.Бахтіна є особливою формою взаємодії між рівноправними і рівнозначними свідомостями [2, с.327]. Правда про людину в чужих устах, звернена до нього діалогічно, тобто заочною правдою, – відзначає М.Бахтін в роботі «Проблеми

поэтики Достоевского», – становится унижающей и умерщвляющей его л о ж ь ю, если касается его «святая святых», то есть «человека в человеке» [1, с.100-101].

Диалогичность предстает как универсальная характеристика всех проявлений жизни персонажей рассказов, повестей и романов писателя. М.Бахтин подчеркивает структурный характер диалогического принципа в художественном дискурсе Достоевского, у которого диалогические отношения повсеместны, они наличествуют во всех проявлениях осмысленной человеческой жизни. Для писателя сознание и диалог тождественны. М.Бахтин видит целую иерархию диалогов, насыщающих мир героев Достоевского: от большого диалога, являющегося принципом, канвой построения всего произведения, до мини-диалогов. М.Бахтин выделяет минимальную единицу, клеточку структуры произведений писателя, которая также оказывается диалогом. Это двуголосое слово. «Все отношения внешних и внутренних частей и элементов роман, – акцентирует М.Бахтин, – носят у него диалогический характер, и целое романа он строил как «большой диалог». Внутри этого «большого диалога» звучали, освещая и сгущая его, композиционно выраженные диалоги героев, и, наконец, диалог уходит внутрь, в каждое слово романа, делая его двуголосым, в каждый жест, в каждое мимическое движение лица героя, делая его перебойным и надрывным; это уже «м и к р о д и а л о г», определяющий особенности словесного стиля Достоевского» [с.72]. [с.71]. В этом отрывке отчетливо выявляются структурные особенности художественного творчества Достоевского, его философская позиция, которую сумел выявить М.Бахтин и которая также является важнейшей составляющей его собственного мировоззрения. Герои Достоевского постоянно разговаривают между собой, но диалог ведется и внутри каждого сознания. Примером может служить такой важный для писателя персонаж, каким является «человек из подполья», который больше всего думает о том, что о нем думают и могут думать другие, он стремится опередить чужое сознание, каждую чужую мысль о нем, каждую точку зрения на него. Он старается предвосхитить возможное определение и оценку его другими, угадать смысл и тон этой оценки и старается сформулировать эти гипотетические суждения о нем, поэтому перебивает свою речь репликами, апеллируя к собеседнику, с которым ведет нескончаемый воображаемый диалог [1, с.88]. В этом случае персонаж словно бы находится перед зеркалом. Ситуация с зеркалом не является у Бахтина просто примером или образным выражением. Понятие «зеркало» употребляется и в переносном смысле как своеобразный принцип видения, возможность отражения своего сознания в иных образах и сознаниях. Герои Достоевского словно смотрятся в зеркала чужих сознаний, чтобы знать, что думают и говорят о них другие и иметь возможность преодолеть внешнюю завершенность своего образа, оставить последнее слово в этом диалоге за собой. Характерна в этом отношении диалогическая одержимость Другим князя Мышкина, рожденная из страха оказаться не услышанным и неподтвержденным в личном голосовом статусе [6, с.37].

Анализируя произведения Достоевского, М.Бахтин формирует собственную философию Другого, продолжая и развивая русскую философскую традицию, которая вела поиск такой коммуникативной структуры, которая могла бы выглядеть универсальной и по сложности своего внутрлического задания, и по ее возможности оказаться онтологической парадигмой богочеловеческого процесса [6, с.37].

Литература:

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М.Бахтин. – Изд. 3-е. – М.: Художественная литература, 1972. – 470 с.
2. Бахтин М.М. К переработке книги о Достоевском / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 326-346.
3. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук» Эстетика словесного творчества. – Изд. 2-е. – М.: Искусство, 1986. – С. 381-392.
4. Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского. – СПб, 1883.
5. Жиру Г. Гранична педагогіка і постмодерніські політики / Г.Жиру ; [пер. з англ. В.Гайденко] // Гендерна педагогіка. – Суми, 2006. – С. 80-91.
6. Исупов К. Г. Уроки М. М. Бахтина / К. Г. Исупов // М. М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли; [Сост., вступ. ст. и коммент. К.Г. Исупова]. – СПб.: РХГИ, 2001. – Т.1. – С. 7-44
7. Кривошеев А.В. Поступок как основание фундаментальной онтологии – [http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/300/\(III\)/image/300_3_034-037.pdf](http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/300/(III)/image/300_3_034-037.pdf)
8. Кристева Ю. Бахтин, слово и роман / Ю. Кристева Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1993. – № 4. – С. 427-457.
9. Махлин В.Л. Бахтин и Запад (Опыт обзорной ориентации) Философия не кончается... Из истории отечественной философии: XX век. : В 2-х кн. – Изд.2-е / Под ред. В.А.Лекторского. – Кн.1: 20-50е годы. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – С. 531-602.
10. Медведев Ю. П., Д.А.Медведева Круг М.М. Бахтина как "мыслительный коллектив" // Звезда. – 2006. – № 7.
11. Панич О. Філософія вчинку Бахтіна в контексті антиметафізичних проєктів пізньомодерної європейської філософії / О.Панич // SENTENTIAE: Наукові праці Спільноти дослідників модерної філософії.– Вип. XXVII (№ 2/2012). – С. 5-17.

Розділ другий. Філософська антропологія і культура

12. Юдин О. «Перша» філософія і естетика Михайла Бахтіна: спроба подолання трансцендентального підходу в філософській думці / О.Юдин // SENTENTIAE: Наукові праці Співки дослідників модерної філософії (Паскалівського товариства) – Вип. XXVII (№ 2/2012). – С. 18-28.

Світлана Повторєва. Світ героїв Достоевського в інтерпретації М.Бахтіна. *Автор статті розглядає ряд антропологічних ідей М.Бахтіна, що зробили його інтерпретацію творчості Ф.Достоевського новаторською. Йдеться про принципи незавершимості, поліфонії та діалогізму, відкриття яких дозволяє більш глибоко зрозуміти не лише світ героїв Достоевського, але й екзистенціальні засади і проблематичність буття людини у сучасному світі. Показано, що твори М.Бахтіна відкрили небували горизонти для гуманітарних досліджень. У статті демонструється, що підходи М.Бахтіна до аналізу творчості Ф.Достоевського знайшли розуміння і втілення у роботах слов'янських філософів, а також представників західної думки (особливо у постструктуралізмі).*

Ключові слова: діалогізм, монологізм, незавершимість, поліфонія, постструктуралізм.

Svetlana Povtoreva. The World of F.Dostoyevsky's Characters by M.Bachtin's Interpretation. *The author of the article examines some anthropological ideas of M.Bachtin, who interpreted works of F.Dostoyevsky in an innovative way. The principles of unaccomplishment, polyphonics and dialogism, which M.Bachtin applies allows understanding better not only the spiritual world of F. Dostoyevsky's characters, but also the existential basis and unsteadiness of human being in the modern world. In accordance with the principle of unaccomplishment the characters of his works are independent alive persons, which have the equal rights with the author. So he cannot to describe (show) the finished picture of their lives and consciousness. In the Dostoyevsky's novels M.Bachtin discovers the person as another alive and enjoying equal rights consciousness, other people's truth, which is oppositely of author's activity. Another principle Dostoyevsky's works – polyphonic – gives him the opportunity to destruct monologue structure of art's representation of the world. In the polyphonic novel the personages are in constantly communication, have many voices. Third Dostoyevsky's discovery (dialogism) was the instrument of investigation the internal world of people. M.Bachtin accents that the truth is not in the head of one man, but it birth between some people, in the process of their communication. The works of M.Bachtin open wide horizons for humanitarian investigations. The article demonstrates that M.Bachtin's approach to F.Dostoyevsky's works was supported by Slavic and by some representatives of western philosophers (especially by poststructuralists).*

Keywords: dialogism, monologism, poststructuralism, polyphonics, unaccomplishment, transgression.